

НОБЕЛЕВСКИЕ «ТЕМЫ» ИВАНА БУНИНА

О. А. Бердникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 октября 2023 г.

Аннотация: в статье рассмотрена история представления кандидатуры И. А. Бунина на Нобелевскую премию в аспекте тематики его произведений, послуживших основанием для ее присуждения. В статье дореволюционные и эмигрантские произведения писателя связаны темой «средней России», ставшей для европейских экспертов главным основанием для предпочтения Бунина в ряду других русских писателей-изгнанников.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Нобелевская премия, тема «средней России», московский рассказ «Благосклонное участие», культура.

Abstract: the article examines the history of the presentation of I. A. Bunin's candidacy for the Nobel Prize in terms of the subject of his works, which served as the basis for its award. In the article, the writer's pre-revolutionary and emigrant works are connected with the theme of "middle Russia", which has become the main reason for European experts to prefer Bunin among other Russian exiled writers.

Keywords: I. A. Bunin, Nobel Prize, the theme of "middle Russia", the Moscow story "Benevolent participation", culture.

Иван Бунин дебютировал в ряду писателей-современников рубежа XIX–XX веков, позже вошедших в «золотой фонд» русской литературы XX века. Среди них — Д. Мережковский, Л. Андреев, М. Горький, Е. Замятин, А. Куприн, Б. Зайцев, А. Ремизов, А. Толстой, И. Шмелев. Из этого славного ряда И. А. Бунин выделяет неизменный, стойкий и живой интерес читателей и ученых как в России, так и во многих странах Европы и Азии. Главную причину этого многие связывают с получением писателем в 1933 году Нобелевской премии по литературе, которая, безусловно, принесла ему всемирную известность.

Сам Бунин воспринял решение Стокгольма впервые присудить премию писателю-изгнаннику как «событие истинно национальное», прежде всего, значимое для «той странной России, которая сейчас рассеяна по всему свету», «столь униженной и оскорбленной во всех своих чувствах» [1, 301]. Вместе с тем выбор среди претендентов — тоже русских писателей-изгнанников — именно Бунина точно объяснила З. Гиппиус: «Шмелев, как и Бунин, весь русский, с головы до пят. Но у Бунина есть, сверх этого, магичность исключительного таланта и сдержанность, собранность; они приближают его к всемирности. Шмелев же остается русским, только русским, со всеми русскими и грехами, и дарами» [2, 369].

Это сочетание глубинной русскости и всемирности — пушкинская черта — является, возможно, основной причиной научного и читательского интереса к творческому наследию И. А. Бунина и в наше время.

Между тем в науке в начале XXI века можно выделить особый вектор, направленный на изучение

творчества писателей-лауреатов Нобелевской премии как специфического художественного и культурного феномена.

Так, в 2017 году вышла книга Т. В. Марченко «Русская литература в зеркале Нобелевской премии», в которой автор публикует архивные материалы 1901–1966 годов Шведской академии (Стокгольм), открытых после пятидесяти лет хранения, среди которых — письма-номинации, экспертные обзоры и финальные протоколы заседаний Нобелевского комитета. Привлекаются также отрывки из статей шведской периодики и экспертные заключения изданий русского зарубежья. Особенно интересны экспертные заключения претендентов, отвергнутых в разные годы Нобелевским комитетом: среди них — М. Горький, Н. Бердяев, В. Набоков, К. Бальмонт, Д. Мережковский, И. Шмелев, М. Алданов, Б. Зайцев, П. Краснов, Л. Леонов, А. Ахматова, К. Паустовский [3]. Кстати заметить, в этом списке половина тех, кто вместе с Буниным входил в литературу.

Другой подход к проблеме предложили ученые Петрозаводского государственного университета, которые, начиная с 2021 года, стали проводить ежегодную научно-практическую конференцию «По следам Нобелевской премии по литературе», которая посвящена исследованиям творчества и биографии писателей и поэтов, ставших лауреатами этой премии. В числе обсуждаемых вопросов — история учреждения, формат и процедура выбора и награждения, выдающиеся русские и зарубежные лауреаты по литературе прошлого и настоящего, содержание речей лауреатов, произведения лауреатов Нобелевской премии по литературе в историко-культурном контексте XX–XXI веков.

Наконец, юбилеи получения Нобелевской премии русскими писателями, как правило, отмечают в русле научных конференций, посвященных каждому писателю [4].

Таким образом, вполне актуальной будет постановка вопроса о тех, условно говоря, нобелевских темах в творчестве писателя, которые стали основанием для присуждения ему премии. Тем более, судя по опубликованным в книге Т. В. Марченко мнениям и дискуссиям экспертов, каждая рекомендация того или иного претендента сопровождалась более или менее развернутой ссылкой на вполне определенные произведения или темы его творчества.

Проблема присуждения Нобелевской премии первому русскому писателю была особенно острой и дискуссионной в силу исторических обстоятельств, вынудивших самых значимых представителей русской культуры после революции 1917 года искать прибежище в странах Европы. Имя Ивана Бунина как основного претендента появилось практически сразу после его эмиграции, и первым на эту премию еще в 1923 году его рекомендовал Ромен Роллан, указавший в своем письме председателю Нобелевского комитета на красоту и чистоту художественной формы, мастерство новеллиста, анализ души русского человека, но особенно важным для французского писателя явилось изображение Азии, в частности Индии, «ее прелести и таинственного ужаса» [5]. Впрочем, это письмо было еще в 1965 году опубликовано первым советским биографом писателя А. К. Бабореко и повторено затем в его известной монографии.

Однако премия была вручена И. А. Бунину лишь спустя десять лет, и в книге Т. В. Марченко приведена история знакомства шведских славистов-экспертов с творчеством И. А. Бунина, читавших его произведения в переводах на французский язык, так как в Швеции имя Бунина было практически не известно.

Так, еще до появления первой книги романа «Жизнь Арсеньева», ставшим, по общему признанию, основным поводом для присуждения премии (а полностью весь роман вышел только в 1930 году), эксперты Шведской академии в качестве основных заслуг Бунина-художника слова выделяли повести «Деревня» и Суходол», рассказ «Чернозем», а также переведенные на французский язык некоторые стихотворения и поэму «Листопад», отмечая, что в лирике природы ему нет равных. При этом очень важно, что эксперты знакомились и с критическими оценками дореволюционных авторов, в частности, с опубликованной С. Венгеровым в своей «Русской литературе XX века» статьей Ф. Батюшкова, а также отзывами критиков и писателей русской эмиграции, чаще всего противопоставлявших традиционализм Бунина поэтам и писателям русского модернизма начала XX века. Крайне значимым фактом стали для шведских экспертов и полученные Буниным две Пушкинские премии Российской Академии как признание его заслуг продолжателя русской классической традиции.

Этим во многом объясняется тот факт, что европейские эксперты воспринимали Бунина в привычных для дореволюционного периода характеристиках — как объективного повествователя о тягостных буднях русской деревни, отказавшегося от идеализации крестьянства, а также поэта старых дворянских усадеб и поэтического наследия усадебной культуры [3, 258–267].

Кстати заметить, ряд экспертных оценок бунинской «Деревни» носит крайне тенденциозный и политизированный характер [3, 267], то есть даже любившие русскую литературу шведские специалисты смогли воспринять только одну из граней его мировоззренческой позиции. Ведь И. Бунин показывает негативные стороны крестьянской жизни и «трагические основы» национального характера как писатель, озабоченный судьбой России, но все-таки увидевший в русском человеке не только «дубину», но и «икону» (достаточно вспомнить старика Иванушку или мужика в трактире Авдечка, в которых акцентированы светлые начала народной души). Ведь и в спорах братьев Красовых о русском человеке нет однозначно отрицательных выводов. Далеко не случайно гневное восклицание Бунина в ответ на упреки в жесткости его политической позиции, выраженной в лекции «Миссия русской эмиграции»: «Россия! Кто смеет меня учить любви к ней?!» [6, 367].

Ведь и свой единственный роман, принесший ему Нобелевскую премию, писатель начинает словами: «Я родился пятьдесят лет назад в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе» [VI, 7], он начинает родословную своего героя с мысли об укорененности писателя в русском мире. Осознание своей общности: с родной природой, дворянским родом-племенем, национальным целым народом и страны, ее культурой — переплавляется в сугубо личностное, художественное переживание бытия, поскольку творческие личности имеют у Бунина «иную онтологию человеческого существа» (Н. А. Бердяев).

Показательно при этом, что в статье «Нобелевские дни» Бунин описывает свои дорожные впечатления: в одном из пейзажей в Германии в лунном свете было «нечто, напоминающее Россию (оснеженные деревья)». А по приезде в Стокгольм его «осаждают люди в шубах, как когда-то на Николаевской дороге...» [VI, 302], то есть, пребывая в европейском пространстве, писатель ищет в окружающих его чужих реалиях родные, русские черты.

Таким образом, можно сказать, что главной Нобелевской темой Бунина — в оценках европейских рекомендателей — становится тема «средней России» и связанные с ней проблемы дворянства и крестьянства как традиционных основ российской государственности, разрушенных революцией 1917 года.

И. А. Бунин неоднократно подчеркивал историческую и культурную значимость средней России: «Я рос в средней России, в той области, откуда вышли не только Анна Бунина, Жуковский и Лермонтов, — имение Лермонтова было поблизости от нас, — но вышли Тургенев, Толстой, Тютчев, Фет, Лесков... И все это: эти рас-

сказы отца и наше со всеми этими писателями общее землячество, все влияло, конечно, на мое прирожденное призвание. Мне кажется, кроме того, что и отец мой мог стать писателем: так сильно и тонко чувствовал он художественную прозу, так художественно всегда все рассказывал и таким богатым и образным языком говорил. И немудрено, что его язык был так богат. Область, о которой я только что сказал, есть так называемое Подстепье, вокруг которого Москва, в целях защиты государства от монгольских набегов с юго-востока, создавала заслоны из поселенцев со всей России» [7].

Так и в самом романе «общее» с великими русскими писателями «землячество» — как понятие, включающее культуру и язык, — осознается им как исток творческой одаренности его главного героя.

Более того, в понятие «землячество» Буниным включена и духовная составляющая: «И чем, позвольте спросить, какой-нибудь Тобольск хуже Ельца, Воронежа? Да и вообще все вздор и пустяки! Пройдет дурное, пройдет и хорошее, как сказал Тихон Задонский, — все пройдет!» [V, 77–78]. Если Тобольск для отца Арсеньева — символ Сибири, то Елец и Воронеж — символ «средней России», Подстепья. И святитель Тихон Задонский, будучи епископом воронежским, упомянут вместе с Ельцом и Воронежем весьма показательно, становясь духовным символом средней России как «края отеческой привязанности». И, по утверждению самого Бунина, местом «происхождения» по сути всей великой русской литературы.

Не случайно, эксперты единодушно отмечают, что роман «дышит жгучей и страстной любовью к Отчизне» [3, 310], видят в романе «возвышенный идеализм и глубокую религиозность». В их оценках Бунин предстает как «писатель-лирик» и «писатель-философ».

Но в поле зрения экспертов-рекомендателей попадают и написанные уже в эмиграции произведения, прежде всего, изданный в 1931 году в Париже сборник «Божье дерево», в который вошли так называемые «краткие рассказы». В малой прозе, анализ которой дает шведский эксперт, он отмечает особый жанр — «эскизы, миниатюры, стихотворения в прозе», посвященные Буниным изображению «Россию своей молодости». И снова, как пишет рецензент, писатель показывает «русский тип, русскую ситуацию, русский ландшафт», при этом и роман «Жизнь Арсеньева», по мнению эксперта, можно назвать большим «стихотворением в прозе» [3, 317–318]. Именно этот сборник прибавил в характеристику Бунина новую дефиницию — «трагический писатель». Автор наиболее пространного и профессионального отзыва вполне осознанно добавил рассказы этой книги в те Нобелевские «темы», которые, по его мнению, могут усилить аргументацию в пользу кандидатуры И. А. Бунина.

В книгу «Божье дерево» вошел и написанный в 1929 году едва ли не самый необычный рассказ о «средней России» — «Благосклонное участие», редко попадавший в сферу внимания исследователей

прозы писателя. Это достаточно редкий у Бунина московский рассказ, в котором повествователь описывает рождественский концерт старой артистки, точнее, ее подготовку к этому выступлению.

По жанру это праздничный — рождественский — рассказ, главная тема которого — чудо в Рождественские дни. При этом «Благосклонное участие», скорее, относится к тому особому жанру, который назван Ю. Айхенвальдом «ироническим святочным рассказом». Это определение проницательный критик отнес к «Святочному рассказу» — под этим заглавием появился 25 декабря 1914 года в газете «Русское слово» рассказ, позже переименованный Буниным и названный им «Архивное дело». Ю. Айхенвальд отмечает в рассказах этого периода «язвительную иронию, писательскую желчность, печальную способность сарказма» [8, 193].

Действительно, в рассказах есть общие мотивы: во-первых, тип повествователя — свидетеля произошедших событий: в «Архивном деле» — это чиновник, служащий «в нашей земской губернской управе», в «Благосклонном участии» — некий московский житель. Для «голоса» такого повествователя характерны вводные конструкции («ну скажем», «положим») и общая, но в разной степени заметная ироническая интонация. Во-вторых, тип героя, которого повествователь в рассказе 1914 года называет «потешный старичок», а в рассказе 1929 году — это тоже своего рода потешная старуха, «бывшая артистка императорских театров» [IV, 520]. Общим является и новеллистический мотив необычного, «чудесного» события — архивариус Фисун, всю долгую службу просидевший в подвале, поднимается на второй — господский — этаж губернской земской управы, где неожиданно встречается с известным литератором Станкевичем, а героиня «Благосклонного участия» — «восходит» на сцену для выступления, при этом и сам репертуар, и овации зрителей показаны с явной иронией.

Однако существенны и различия между ироническим святочным рассказом дореволюционного периода творчества Бунина и написанным в эмиграции, тем более, во время работы над романом «Жизнь Арсеньева». Именно этот факт является, на наш взгляд, решающим в изменениях в «сюжете настроения» «нобелевского» рассказа писателя.

Так, смещается главный акцент — от социально-обличительного в «Архивном деле» на социально-бытовой, эстетический: Бунин подчеркивает значимость и самоценность русской жизни дореволюционной Москвы. В какой-то мере этот рассказ предваряет «Чистый понедельник» — тоже праздничный — Пасхальный рассказ Бунина, так как первый день Великого поста уже входит в пасхальный календарный цикл.

В «Архивном деле» Бунин выбирает эффектный, но уничижительный сюжетный «ход»: два старика — блестящий «лев» Станкевич, только что говоривший о свободе и справедливости, и маленький глухой Фисун — сталкиваются в туалетной комнате, уравнен-

ные старческой немощью. И возмущение либерала Станкевича появлением Фисуна в господской уборной так напугало бедного архивариуса, что он умирает» [9]. Т. А. Никонова справедливо пишет о том, что это рассказ не о маленьком человеке (очевидна апелляция Бунина к персонажам Н. В. Гоголя и А. П. Чехова), а «предчувствие «Окаянных дней», разрушительной силы либеральной лжи» [10, 163].

В «Благосклонном участии» ирония направлена на экзальтированное, театральное поведение героини, знающей, что «происходит с ней каждый год в декабре», и тем не менее, воспринимающей ритуал ее приглашения так, как будто это единожды произошедшее «чудо» — не случайны рядом стоящие у Бунина «каждый год» и «однажды», и слово «артистка», дважды прозвучавшее — в первой и последней фразах рассказа. Писатель подчеркивает и повторяемость процесса подготовки к выступлению, волнение — «с чем выступить?» «триумф или гибель?», и каждый год выбирается «старый неизменный репертуар». И снова Бунин, признанный мастер слова, «лучший стилист современности» (М. Горький) совмещает многократность («как всегда») и уникальность («этот последний роковой день!»).

Однако повторяемость и как бы запрограммированность рождественского чуда не мешает Бунину показать неповторимое очарование московских зимних дней, «множество афиш всех цветов и размеров пестрят на всех ее улицах и перекрестках», «окаменевшие с морозу ноги» двух «франтов-студентов «тоже без галош», которые «терпеливо сидят в одних мундирах, блестя зеркальными головами, благоухая фиксатуаром и бриллиантином, с большим бантами из белого атласа на груди, точно шафера» [IV, с.523]. И даже в этом, каждый год повторяющемся «литературно-музыкальном вечере в пользу недостаточных воспитанников пятой московской гимназии... имеющем быть на третий день Рождественских праздников», о «благосклонном участии» в котором каждый год «покорнейше просят» артистку, таится для Бунина неповторимое, «легкое дыхание» прежней России в ее самобытном облике, и ради его «воскресения» написан рассказ.

Ведь и для Арсеньева наследством является сам «воздух» России, все, что его окружало. «Жизнь Арсеньева» — это книга старого русского писателя, родившегося «50 лет тому назад в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе», о своей судьбе и судьбе России, этот «восторженный гимн жизни, красоте мира, самому себе» [11].

Главной темой И. А. Бунина, вдохновляющим его «наследием» является любовь к России, которой проникнуты и «крестьянские» произведения, и «краткие рассказы», и «Жизнь Арсеньева» — Нобелевские книги Ивана Бунина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Нобелевские дни / Бунин И. А. // Собр. соч.: В 6 томах. — М.: Художественная литература, 1988. Т. VI, 301. Произведения И. А. Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).
2. Антон Крайний. Полет в Европу / Антон Крайний // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах — М.: «Книга», 1990. — Том.1. — Книга 2.
3. Марченко Т. В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии / Т. В. Марченко. М.: Издательский центр Азбуковник, 2017. — 668 с.
4. См.: Метафизика И. А. Бунина. Сборник научных трудов, посвященный 150-летию со дня рождения И. А. Бунина. Выпуск 5. Юбилейный. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. — 336; Подъем. — 2020. — № 6–12; Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина): материалы Всероссийской научной конференции (24–26 сентября 2020 г.). — Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2020.
5. Бабореко А. К. И. А. Бунин: Материалы для биографии. (С 1870 по 1917) / А. К. Бабореко. — М.: Худож. лит., 1967. — 303, 14 л. ил.; 21 см.
6. Бунин Иван. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Иван Бунин. — М.: Советский писатель, 1990.
7. Бунин И. А. Воспоминания Бунина: И. А. Бунинъ. Воспоминания. Париж 1950. Автобиографические заметки / И. А. Бунин. — Режим доступа: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/vospominaniya-bunina-1.htm>.
8. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — М.: Республика, 1994.
9. См. об этом: Бердникова О. А. Рождественский сюжет и его модификации в прозе И. А. Бунина / О. А. Бердникова // К 150-летию юбилею И. А. Бунина. Вестник ВГУ Серия «Филология и журналистика». — 2020. — № 4. — С. 8–12.
10. Никонова Т. А. Рассказ «Архивное дело» в его отношениях с прецедентными текстами / Т. А. Никонова // «Воронежский текст» русской культуры: страницы истории и современность. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. — Вып. 3. — С. 158–163.
11. Кузнецова Г. Н. Из «Грасского дневника» / Г. Н. Кузнецова // Иван Бунин. Литературное наследство. — М., 1973. — Т. 84, кн. 2. — С. 254–300.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: olberd@mail.ru

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian literature XX–XXI centuries, theory of literature and Humanities

E-mail: olberd@mail.ru